

УДК 811.161.1'27
ББК Ш141.2–4

ГСНТИ 16.21.49, 16.21.51 КОД ВАК 10.02.19

М. Надель-Червиньска

Катовица, Польша

Христианство и язычество – концептуальные проекции русской паремиологии

Аннотация. Рассказывается, как создавался лингвокультурологический справочник «Христианство и язычество в пословицах, фразеологизмах, загадках, приметах русского народа». На примере слова «Бог» демонстрируется, как проявляются различные значения этой лексемы в русских пословицах.

Ключевые слова: словарные гнезда; лексема; паремиология; паремия; языковая единица.

M. Nadel-Cherwinska

Katowice, Poland

Christianity and Paganism – Conceptual Projections of Russian Proverbs

Abstract. The article describes the process of creation of linguistic-cultural reference book “Christianity and Paganism in proverbs, phraseological units, riddles, signs of the Russians”. On the basis of the word “God” the author shows how different meanings of this lexeme are coined in Russian proverbs.

Key words: lexical family; lexeme; paremiology; proverbs; language unit.

Концепция учебного словаря лингвокультурологической направленности под названием «Христианство и язычество в пословицах, фразеологизмах, загадках, приметах русского» народа логически вытекает из нашей двадцатилетней практики описания и анализа языкового материала, собранного в XIX столетии В. Далем. Двумя основными направлениями такого исследования были и остаются следующие:

а) составление тематических словарей лексики, отраженной в «Толковом словаре живого великорусского языка»¹, б) составление тематических словарей русской паремиологии², главной базовой основой которых является сборник В. Даля «Пословицы русского народа»³.

В наш словарь, в настоящее время сданный в издательство, вошло свыше пятнадцати тысяч паремиологических единиц, отобранных тематически⁴. Ряд из них повторяется в двух, реже нескольких, словарных гнездах, что естественно для издания такого типа. Общий объем словаря, по сути своей являющегося словарем народной культуры и верований восточных славян, свыше 30-ти авторских печатных листов. Материал организован в нем в виде словарных гнезд, расположенных в алфавитном порядке. И всего таких гнезд 546.

При составлении данного лингвокультурологического справочного (учебного) издания сложным, неожиданно для автора, оказались, с одной стороны, организация самого словарного материала, а с другой – отбор и затем искусственное ограничение паремиологического состава некоторых периферийных статей, по соображениям о которых будет сказано далее. В частности, значительно сокращен в целях уменьшения объема издания материал таких гнезд, как *Похороны, Родины, Крестины, Свадьба, Смерть, Брат, Невеста, Жених, Сватовство* и др., вообще не были включены в словарь гнезда *Болезнь, Мор, Сон, Дед, Девка, Кровь, Жизнь, Живот* и т.п. В сокращенном варианте вошли в словарь и такие гнезда, как *Двор, Гумно, Овин*, и совсем не вошли такие, как *Клеть, Дом, Порог, Печь, Поле, Жатва, Падёж, Скот(ина)* и проч., связанные у восточных славян с целым комплексом древних языческих верований, обычаев и обрядов.

Это объясняется тем, что упомянутый паремиологический материал в полном объеме войдет в следующие, уже подготовленные автором к печати, лингвокультурологические учебные словари той же серии, а именно – «Традиционная семья в обрядах, пословицах, фразеологизмах, загадках, приметах русского народа» и «Традиционное хозяйство в

обрядов, пословицах, фразеологизмах, загадках, приметах русского народа».

Немалой проблемой оказались для нашего словаря «Христианство и язычество...», также выделение в гнездах ключевых слов, в то время как в других словарях той же учебной серии определение лексем-ключей особой сложности, как ни странно, не представляло. Можно было бы, конечно, выделить в самостоятельное гнездо каждую тематически подходящую лексему, напр.: *Антихрист, Антий, Антихристов, Антиев*; или: *Блин, Блинок, Блинец, Блинная, Блинник*. В словаре каждая из этих двух групп лексических единиц как групп словообразовательных составляет одно ключевое гнездо, в котором паремиологические единицы, соответственно, разбиты на подгруппы (*Блин, Блинок, Блинец* и т.д.).

Таким же точно образом одно гнездо в словаре составляют два варианта одного и того же имени собственного – *Авраам* и *Абрам, Иисус* и *Исусик, или Исусик*, а также *Кашей* и *Кошей* (как имя мифологическое). Одно гнездо составляют и такие варианты написания лексем, как *Дьякон* и *Диакон, Веселие* и *Веселье, Змей* и *Змий, Зелье* (как чаще, в этом случае, встречающаяся в паремиях форма) и *Зелие, Келья* и *Келия, Богоявление* и *Богоявление, Воздвижение* и *Воздвижение, Вознесение* и *Вознесение, Сретение* и *Сретение*. Также объединяются в одно гнездо и однокоренные синонимы, не всегда при этом различной стилистической и экспрессивной окраски: *Домовина* и *Домовище, Гад* и *Гадина, Дитя* и *Дитятко, Кудь* и *Кудеса, Купальница* и *Купальщица* (обе лексемы в одном и том же мифологическом значении – женского божества, пары к *Ивану Купале*), *Курносая* и *Курноса* (народный эвфимизм к лексеме *Смерть*, традиционному антропоморфизму в русском фольклоре). Возможен в словаре и такой случай, когда в гнездо объединяются несколько ключевых лексем-вариантов: *Жребий* и *Жеребий*, а также *Жребьёвка; Коляда* и *Каляда, Ко(а)лядка*.

Одно словарное гнездо составляют, в свою очередь, существительное и образованное от него прилагательное – *Ад* и *Адская, Адам* и *Адамов, Братчина* и *Братинная, Гроб* и *Гробовой, Египет* и *Египетская*. На взгляд составителя, не

имело смысла разносить их по самостоятельным гнездам, поскольку в связанной паре они более наглядно иллюстрируют свою традиционную семантику. Обратим внимание на то, что в словаре чаще всего на ключевое место выносятся прилагательные и причастия в формах женского рода. И это неслучайно, поскольку именно формы этого рода наиболее активно участвуют в порождении текстов-паремий русской традиции, а нередко – в большинстве наших случаев – только они, формы женского рода, и встречаются в поговорах.

В единые гнезда объединены также мужская и женская формы одной и той же лексемы – *Еретик* и *Еретица*, *Ведун* и *Ведьма*, *Знахарь* и *Знахарка*, *Игумен* и *Игуменья*, *Инок* и *Инокня*, *Колдун* и *Колдунья*, *Кум* и *Кума* (но не *Кумоха*, так как это семантически иное слово, с традиционным значением: *смерть-кума* или *кумушка-смерть*), *Монах* и *Монашка*, *Сват* и *Сваха*, *Старец* и *Старица*, а также словосочетания типа *Крестовые братья* и *Крестовые сестры*.

Диявол и *Дьявол*, будучи вариантами написания той же лексемы, напротив, выделены в отдельные гнезда – по той причине, что каждое из последних содержит очень большое количество паремий. Объединенные в одно гнездо, они просто бы «потеряли» свою специфическую окраску, экспрессивную и стилистическую. Выделение этих лексем, вместе с образованными от них прилагательными *Диявольский* и *Дьявольский*, в отдельные гнезда помогает также подчеркнуть узкую специфику каждой из этих форм, активно образующих в русском языке паремии выражено экспрессивного характера. В разные словарные гнезда, естественно, выделяются и такие синонимы, как, к примеру, *Погост* и *Кладбище*, *Кликуша* и *Юродивый*.

Составление словарных фондов подобного типа имеет многоцелевое назначение. Оно позволяет, например, систематизированно представить, а затем описать материал, огромный по объему и потому воспринимаемый обычно лишь выборочно – в силу своей неохватности. А сведение затем в словарные гнезда паремиологических единиц дает возможность показать реальное количество русских паремий, образованных с участием той или иной лексемы языка традиции – лексемы, представляющей в живой народной речи целый

семантический комплекс, многоуровневый и потому сложный для его понимания в контексте декодирования метазнаков конкретного текста-*паремии*.

В частности, интересную лингвокультурологическую проблему представляет соотношение в словаре паремий собственно *христианского* и *языческого* – как проекции двух параллельных для восточных славян традиций, традиций неравноправных ни по времени возникновения, ни по способу актуализации, ни, наконец, по месту и среде бытования (верований, обычаев, ритуальной практики). Не будем в статье касаться проблем первичности или вторичности народной веры и суеверий, не остановимся также и на проблеме вытеснения новой традицией традиции более древней, а обратимся непосредственно к текстам паремий, чтобы обобщить собранный в словнике материал.

Так, если судить по *ключевым словам*, вынесенным в названия гнезд, в русской традиционной паремиологии существенно преобладает лексика, соотношенная в современной ментальности россиян с *христианством* и *церковью православной*. К этой категории лексем, к примеру, следовало бы отнести все словарные единицы на букву **А**, а их 16: *Авакум, Авель, Авраам, Агнец, Ад, Адам, Аллилуйя, Аминь, Ангел, Антихрист, Апокалипсис, Апостол, Архангел, Архиерей, Архимандрит, Архистратиг*. Однако паремиологические тексты, составляющие эти статьи, в основном единичны и редки, с точки зрения народного бытования. Единичны пословицы также на ключевые слова *Благовест, Благостыня, Богомол, Богородица, Богослов, Божевольный, Божедом* и т.п.

Исключением в статьях на букву **А** являются лишь такие единицы, как *Ад, Аминь* и *Ангел*, что объясняется, судя по всему, совмещением в семантике данных мифем языка фольклора и христианского, и языческого начал, с преобладанием, пожалуй, второго – как следствие активности этих слов в знаковом пространстве так называемого *лубка*, примитивной формы русской народной культуры, комического синтеза пестрых образов вербальных (рифм) и невербальных (графических). Такие же слова, как *Благовещенье, Богоявление, Вознесенье, Сретенье* и т.п., активны наравне с

лексемами языческого происхождения, называемыми, напр., народные календарные праздники *Масленица*, *Семик*, *Духов день* и др. Но и первые и вторые связаны прежде всего в русской ментальности с обычаями, запретами и суевериями древнего язычества, о чем свидетельствуют наши тексты-паремии.

В частности, существуют запреты в определенные праздничные дни на тот или иной вид домашней работы. Каждый такой запрет при этом глубоко мотивирован языческим мироощущением восточных славян, а также их мифологическими представлениями. *Нельзя подметать пол* – в дни, связанные с поминовением покойных, то есть связанные с присутствием мертвых в доме живых: можно засыпать пылью глаза мертвеца, и он не сможет уже видеть на том свете, в своем мире мертвых. Именно с этим поверьем связан и запрет подметания в доме, где только что похоронили покойника, запрет действует вплоть до 40-го дня, завершающего цикл поминальных обрядов.

В дни, также связанные с культом мертвых (например, 1-2 ноября, 24-25 декабря, 6 января и прочие), следует ставить на стол для *незваного гостя*, то есть гостя с того света, тарелку, чашку, класть рядом с ними ложку. Это реликтовый обряд, связанный с тем, что покойника в доме обязательно нужно *напоить*, *накормить* и *обогреть*. Существует запрет садиться на стул, приготовленный для такого «гостя». Он связан с тем, что тот может уже быть в доме, поскольку его не видно, и нельзя его обидеть, сев к нему на колени. Аналогичный обычай существует на свадьбе и, как говорится в таких случаях, *свято место пусто не бывает*. На стул для невидимого гостя нельзя садиться никому, кроме *лопа* либо *дурака*, поскольку и первый по должности и функциям, и второй, будучи не в своем уме, уже имеют отношение к миру мертвых. Позже на это место стали сажать так называемого *свадебного генерала*, человека старого и как бы свое уже отжившего, которому контакт с мертвым повредить не может.

В нашем словаре многие ключевые лексемы так или иначе связаны с мифическими существами: *Авось* (эффемизм, соотносимый в пословицах с персонификацией *Зайца*), *Дедушка (Домовой)*, *Русалка (Лопаста)*, *Водяной*, *Овинник*,

Нечисть, Нежить, Лихо (и Лихорадка), Леший, Оборотень, Кикимора (и Кумоха). В то же время, с целью сужения тематического круга словарных статей автором не включены в словарь персонифицированные животные восточнославянской мифологии – *Лиса, Медведь, Волк, Ворон, Козел* и другие, которые выступают в народном календаре и пословицах, отражающих архаику представлений и поверий как некие духи, природные божки, наделенные магической силой – как *Леший, Домовой, Дед*, или *мертвое родовое*, как даже сама *Смерть*.

Если взять самое большое – по объему текстовых единиц – гнездо *Бог* в словаре «*Христианство и язычество...*», концепцию которого сегодня хотим представить в статье, то структурный и семантический анализ состава гнезда покажет следующее:

1. Значение слова в паремиологическом контексте не бывает однозначным. Эту неоднозначность единицы народного языка, или *языка фольклорной традиции*, мы называем в своих работах *комплексным традиционным смыслом*. Теоретически у каждой единицы, или мифемы, языка фольклора можно выделить пять семантических уровней, но при этом не все из них могут быть проявлены в сохраненных языком текстах паремий.

2. В разных текстах-паремиях каждое слово-мифема может выступать на уровне *комплексного традиционного смысла* в том или ином значении. Чаще всего такая лексема проявляет в тексте свою многозначность, что и порождает «неоднозначность», «иносказательность» пословицы. Каждый традиционный текст поэтому можно декодировать и воспринимать на нескольких семантических уровнях одновременно. Так же и паремия, в которой, на первый взгляд, отражаются поздние христианские верования, при внимательном анализе обнаруживает на более глубоком и древнем уровне прочтения представления языческие, иногда даже противоречащие современному пониманию данного текста.

Ниже покажем, как проявляются в пословицах разные значения лексемы *Бог*, проиллюстрировав их примерами из русской паремиологии:

1) Бог как единственное и единое начало всего (*Над семью поясами небесными сам Бог, превыше Его покров; Небо – престол Бога, земля – подножие; Из ничего один только Бог свет создал; Кто велий, яко Бог наш; Жив Бог, жива душа моя; Един Бог без греха; Един Бог; два тавля Моисеевых; три патриарха на земле; четыре листа евангельска; пять ран Господь претерпел; шесть крыл херувимских; семь чинов ангельских; восемь кругов солнечных; девять в году радостей; десять Божьих заповедей; единдесять праотец; два на десять апостолов*).

2) Бог как перст судьбы, непредсказуемое заранее (*Ждали телёнка, а дал Бог ребёнка; Есть до днесь, а впредь – Бог весть; Рыбку да утку встанью взять, а малых деток Бог даёт; Сам куёт, жена дуёт, да Бог весть, что будет; Кривую стрелу Бог прямит; Куда иногo конь везёт, туда бедняжку Бог несёт*).

3) Бог как сильное магическое начало (*Бог – старый чудотворец; Бог Своё строит; Дурак стреляет – Бог пули носит; Неробкую душу вложил в меня Бог; Один воин тысячи водит, а Бог и тысячи и воина водит*).

4) Бог как мощная креативная сила (*Бог – что захочет, человек – что сможет; Девка прядёт, а Бог ей нитку даёт*).

5) Бог как Бог-судия, длань карающая и награждающая (*Бог в долгу не останется; Бог бабу отымет, так девку даст; Бог отымет, Бог и подаст; В неправде Бог карает; Кто повинился, того суди Бог; Виноватому Бог судия; Жену с мужем некому судить, кроме Бога*).

6) Бог как справедливое, мудрое и милостивое начало (*Бодливой корове Бог рог не даёт; Бог не убог; у Бога милости много; Бог полюбит, так не погубит; Бог простит, только вперёд не каверзи; Бог милостив, а царь жалостлив; Бог – заступник сирым и вдовым; Дал Бог роток сиротинке, даст и кусочек; Кабы Бог послушал худого пастуха, так бы весь скот выдох; Бог не выдаст – свинья не съест!*).

7) Бог как апокрифический персонаж-демиург, и в этом случае паремии – реликтовые фрагменты апокрифических рассказов (*Из кривого ребра Бог жену создал, оттого и кривда пошла; И велик лизун Бог дал корове, да говорить не*

велел; Возвысил Бог куликов род; Оттого Бог жабе и хвоста не дал, чтоб она им травы не толочила; Пятна на луна изображают, как Бог кормит первых людей готовым хлебом; Бог дал два уха, а один язык; Одной пчеле Бог сроду открыл науку; Голубь и ласточка любимые Богом птицы).

8) *Бог как отец всего живого на земле (Как Бог до людей, так отец до детей; Бог – батька, государь – дядька; Бог не даст – нигде не возьмёшь; Бог не даст, и земля не родит; Даст Бог дождь, даст и рожь; Бог не родит, не возьмёшь ни семенем, ни племенем).*

9) *Бог как начало и конец жизни земной, в их парадигматическом двуединстве и установленном свыше порядке вещей (Душка – не сучка; не вышлешь вон, когда Бог не возьмёт; Божеское не от человека, а человек от Бога; Бога прогневишь, и смерти не даст; Век мой прошёл, а дней у Бога не убыло; Смерть да жена – Богом суждена; Ох, ведает Бог, от чего живот засох).*

10) *Бог как всеведающее, недремлющее (возможно, стоокое), всезнающее объективное начало (Бог ведает, кто как обедает; Бог не дремлет – всё слышит; Всезнания Бог человеку не дал).*

11) *Бог как отстраненное от человеческой приземленности, мирского и ни в чем не заинтересованное объективное начало (Не скор Бог, да меток; Бог попускает, и свинья гуся съедает; Бог правду видит, да не скоро скажет; Бог рассудит, да не скоро нам скажет; Бог-то Бог, да и сам не будь плох; Бог не гуляет, а добро перемеряет).*

12) *Бог как сила, противоположная чёрту, дьявольскому – недоброму началу и деструктивной силе (Был да ушёл – Бог унёс; а поймали да побили – не черти носили; Дитя падает – Бог перинку подстиляет; стар падает – чёрт борону подставляет; Послал Бог работу, да отнял чёрт охоту; Хвалится чёрт всем светом овладеть, а Бог ему не дал воли и над свиньёй; И вор Богу молится, да чёрт молитву его перехватывает; Богу угождай, а чёрту не перечь; Богу-то с перст, а чёрту-то с пест; Бог даст денежку, а чёрт дырочку, и пойдёт божья денежка в чертову дырочку; Жизнь даёт один только Бог, а отнимает всякая гадина; Первая жена от Бога, вторая от человека, третья*

от чёрта; Беден бес, что у него Бога нет; Бога зови, а чёрта не гневи; Бога не гневи, а чёрта не смеши!).

13) Бог в значении *Иисус Христос*, что в паремиологическом контексте встречается крайне редко – как явление синонимии в традиционной метазнаковой замещаемости (*Бог терпел да и нам велел; За терпенье даёт Бог спасенье; Бог с вами, а о грехах молитесь сами!*).

14) Бог в значении, не совпадающем с христианским понятием *Иисус Христос* (*Бога хвалим, Христа величаем, богатого богатыню проклинаям; Наше дело: «Помилуй, Бог!», а живёт и: «Закрой, Христос!»*).

15) Бог как элемент *разноверия*, толков (*У нас свой Бог, у никониян свой, или иной*).

16) Бог как элемент языческого *многобожия* (*Всем богам по сапогам; На поле Никола общий Бог; Не гони Бога в лес, коли в избу влез; ср.: Как волка ни корми, он всё в лес норовит; Где жить, тем богам и молиться; ср.: С волками жить, по-вольчьи выть; а также: Молиться Богу-в-Шерсти, то есть волку; Кто Богом не забыт, тот и сыт; ср.: То у волка и в зубах, что Егорий дал; Нешто я у Бога телёнка съел? Нешто я у Бога телёнка украл, что меня все обходят?*).

17) Бог как сама языческая идея *многобожия* (*Простого Бога и телята лжуют; Плохого бога, то есть идола, и телята лжуют; Всяк по-своему Бога хвалит; Как ни молись, Бог всё услышит; Какова вера, таков у ней и Бог; Который Бог вымочит, тот и высушит; Прялка не Бог, а рубаху даёт, о Параскеве-пятнице; Карманный бог помилует*).

18) Бог в языческом понимании бога – как природной силы, либо домашнего божка, покровителя, умершего предка, например, *дедушки* (*Не роди мать сыра земля, то есть не дай Бог; Бога молишь, хлебцем кормишь, дом бережёшь, добро стережёшь; Что Бог ни даст, а в середу не прясть; Бог вымочит, Бог и высушит; Бог не Макешь, или Мокошь, чем-нибудь да потешит; Дай Бог дождю в толстую вожжу; Береженого бог бережёт; И Бог на всех не угодит; Кто рано встаёт, тому Бог подаёт; Пораньше просыпайся, да за Бога хватайся; Подай в окно – Бог в подворотню подаст, то есть невидимо; Козий бог на верёвочке издох; Куриный*

бог – камень с природной дырочкой, форма оберега-амулета).

19) Бог в языческом понимании полбога, или по-бога (Денежка не Бог, а полбога есть; Небось не Бог, а пол-Бога есть).

3. Подразумеваемое значение метазнака бог влияет, с одной стороны, на порождение в каждом случае определенной конструкции высказывания традиционного синтаксиса, а с другой стороны – определяет возможное лексическое окружение его в паремиологическом тексте и реальную сочетаемость с теми или иными языковыми единицами в языке фольклора как формы национальной лингвокультуры.

Столь же многозначными, а также столь же неоднозначными по своей семантике проявляют себя в словаре такие ключевые слова, как *Чёрт, Грех, Покой, Смерть, Душа, Крест, Молитва*.

Материал словаря дает возможность читателю глубже и с разных сторон познакомиться с народной культурой восточных славян, сравнив при этом два основных ее направления – традиционное и религиозное, языческое и христианское. В словаре объясняются значения ключевых слов, на широком языковом и культурном контексте показаны связи семантические, исторические, этнокультурные. Здесь же объясняются и мифологические корни, лежащие в основе народных верований, обрядов, магии, хозяйственной практики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: тт. 1-4. – М., 1955-1956.

² См., в частности, наши словари того и др. типа в издании: Надель-Червинская М.А., Червинский П.П. Энциклопедический мир Владимира Даля. Кн. I-III: Птицы, тт. 1-2 (1: 47-172, 219-478, 479-489); Дикие звери, тт. 1-2 (1: 25-236, 237-488); Домашние животные, тт. 1-2 (1: 23-292; 2: 5-274, 275-292). – Ростов-на-Дону, Феникс, 1996. Словарные материалы данных типов были также с 1997 г. широко представлены в электронном журнале по лингвопсихологии *Creativity & Communication Process*, по адресу www.nicomant.org и <http://old.nicomant.org>, а также на других

виртуальных страницах *Science Research Center of Linguopsychology NICOMANT* (Israel, Jerusalem). Направление лингвопсихология заявлено и разрабатывается в *nicomant*-исследованиях с 1992 г.

³ Пословицы русского народа. Сб. В. Даля, в 2-х тт. – М., 1984.

⁴ Поскольку в традиции русского языкознания существует два противоположных подхода к объемному соотношению фондов *паремиологии* и *фразеологии*, то следует оговорить, что автор статьи – здесь и в других своих работах – придерживается следующей, возможно, менее популярной, научной концепции: не понятие *фразеология* включает понятие *паремиология*, а, наоборот, понятие *паремиология* шире понятия *фразеология* и потому включает второе в себя. Под термином *традиционная паремиология* мы понимаем совокупность *паремий*, разного объема и степени синтаксической завершенности, прежде всего как разновидности «малых форм» языка фольклора. При этом *фразеологические единицы* рассматриваются в большинстве своих случаев как фрагменты, в ряде случаев реликтовые, развернутых некогда высказываний-*паремий*. См., в частности, монографию: Надель-Червинская М. Язык и сознание: парадигматика русской пословицы, Тернопіль, Підручники і посібники, 2006, 195 с.

© Надель-Червинська М., 2008